

Политика

О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая

© 2014

К. Антипов

Предпринята попытка анализа процесса изменений стратегического баланса в политике КНР в Азии в связи с «инициативами» китайского руководства по созданию сухопутного и морского «поясов Шелкового пути XXI века». Ключевым элементом формирующейся стратегии является политика «продвижения КНР в Западную Азию», направленная на повышение глобального статуса Китая, стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке и установление отношений стратегического партнерства со всеми странами региона.

Ключевые слова: Китай, экономический пояс Шелкового пути, Ближний Восток, Западная Азия, стратегическая концепция, «движение на Запад», китайско-американские отношения на Ближнем Востоке

В 2013 г. Ближний Восток занял место одного из главных направлений внешней политики Китая, переживающей важный этап структурных изменений и формирования новых приоритетов. Объективной основой этого сдвига является продолжавшееся в течение последних лет поэтапное развитие торгово-экономических отношений КНР со странами региона, прежде всего в сфере энергетики, а также активное участие китайской дипломатии в урегулировании положения в Сирии и других кризисных процессов в арабском мире, в решении иранской ядерной проблемы, нормализации положения в Афганистане, разрешении конфликта в Судане и т.д. Возросшие интересы и возможности Китая в Западной Азии и Северной Африке существенно повлияли на усиление китайско-американского диалога по Ближнему Востоку.

В то же время, судя по ряду публикаций, ближневосточная политика подверглась определенному критическому пересмотру в свете крупных изменений ситуации в регионе, а также быстро возрастающих потребностей развития КНР. Так, продолжающиеся потрясения в арабском мире показывают, что выдвинутая китайским руководством в 2006 г. концепция отношений со странами региона под лозунгом «Гармоничного Ближнего Востока» в значительной степени исчерпала себя, и дальнейшая политика на данном направлении нуждается в новых подходах, в большей мере учитывающих интересы безопасности и развития КНР на новом этапе. Следует отметить, что бурные потрясения на Ближнем Востоке в 2010–2013 гг., многомиллиардный ущерб, понесенный китайскими компаниями в арабских странах, военные действия стран НАТО и другие сопутствовавшие события оказали непосредственное воздействие на формирование новых стратегических подходов Пекина к международной деятельности в целом. Как отмечалось в за-

падных экспертных кругах, полученный Китаем опыт на Ближнем Востоке стал одним из важных факторов, определивших реформирование как внешней, так и внутренней политики этой страны¹. Это, в частности, привело к изменениям в стиле и методах управления кризисными ситуациями, содействовало проявлению новых подходов к организации деятельности в арабском мире, повлияло на усиление недоверия к политике Запада и т.д. В результате предпринятые в феврале-марте 2011 г. попытки распространить дестабилизирующий эффект «жасминовой революции» на Китай вызвали жесткую и незамедлительную реакцию со стороны китайских властей. За рубежом Пекин осуществил беспрецедентную по масштабам и оперативности эвакуацию из Ливии около 36 000 китайских граждан с использованием вооруженных сил КНР. Масштабные предупредительные мероприятия по сохранению стабильности с использованием сил безопасности были проведены в это же время внутри страны. Эти мероприятия оказались своего рода рубежом в развитии стратегии безопасности Китая². При этом зарубежные комментаторы указывали на отход Китая от сдержанности последних двадцати лет и поворот в сторону напористой политики с использованием силовых методов. Можно полагать, что события на Ближнем Востоке ускорили эволюцию внешнеполитических установок в сторону усиления «боеспособности» и «напористости» дипломатии КНР. Примечательно в этой связи выступление в «Нью-Йорк таймс» в разгар ливийских событий одного из наиболее влиятельных китайских политологов Янь Сюэтуна, указавшего, что «желая восстановить свой исторический статус в роли великой державы, Китай должен действовать как великая держава». И далее: «Похоже, что идея более напористой политики набирает влияние в Китае»³.

Определяющее влияние на дальнейшую деятельность китайской дипломатии в этом регионе на данном этапе оказывает усиливающийся процесс масштабной интеграции ближневосточной политики в общую внешнеполитическую стратегию, выдвинутую в 2013 г. новым китайским руководством во главе с председателем КНР Си Цзиньпином и предусматривающую строительство «Экономического пояса Великого Шелкового Пути» проходящего в Европу и Африку через континентальную часть Западной Азии⁴, и «Морского Шелкового пути XXI века», охватывающего азиатский континент. При этом в русле идей создания нового Шелкового пути идет активное формирование т.н. «политики западной ориентации»⁵, призванной обеспечить интеграцию китайской дипломатии на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии. Указывая на центральную роль Ближнего Востока в реализации «двух инициатив» китайского руководства, министр иностранных дел КНР Ван И в ходе декабрьской поездки в арабские страны заявил, что, как предполагают в Пекине, данный регион окажется местом стыковки обоих стратегических проектов⁶.

Провозглашение в Китае т.н. «двух инициатив», касающихся строительства «Экономического пояса Великого Шелкового Пути» в Западной Азии и «Морского Шелкового пути XXI века», обозначило основные параметры внешнеполитической стратегии нового поколения китайских руководителей. К числу важнейших целей намечающихся перемен относится, прежде всего, централизация всех направлений международной деятельности Китая под эгидой единого руководства, более последовательное подчинение их задачам сбалансированного развития страны и установление приоритетности сотрудничества с окружающими странами. Проводимые мероприятия в немалой степени носят управленческий характер, и на нынешнем этапе одной из важных целей является общее совершенствование системы управления внешней политикой и ее более надежная «стыковка» с внутренней политикой. При этом налицо постановка перед внешнеполитическим комплексом Китая задач не только по адаптации к изменяющейся международной обстановке, но и по обеспечению новых интересов, связанных с ростом потребностей КНР, нуждами развития Западного Китая и мобилизацией в этих целях политических ресурсов на международной арене. При этом подчеркивается, что Китай является не только тихоокеанской, но азиатской державой, его интересы распространяются на весь континент, и переход к осуществлению в Западной Азии системной политики, ее более тесная координация с политикой в

Восточной Азии отвечают задачам глобальной стратегии КНР, в том числе затрагивают широкий спектр вопросов китайско-американских отношений. В соответствии с этим новый подход предусматривает выравнивание баланса между приоритетами КНР в азиатско-тихоокеанском регионе и политикой в континентальной Азии с учетом стратегических интересов Китая, сформировавшихся на Ближнем Востоке в последние годы.

Хотя сама стратегия далека от завершения и на данном этапе представляет собой скорее комплекс концептуальных установок, главный принцип построения международной деятельности Китая состоит в укреплении отношений с соседними странами, то есть отводит приоритетную роль азиатской политике. Соответствующие вопросы обсуждались на проходившей в Пекине 24–25 октября 2013 г. конференции по вопросам дипломатии, где в качестве главной внешнеполитической задачи было определено укрепление отношений мира и сотрудничества с соседними государствами. В конференции принял участие председатель КНР Си Цзиньпин и все остальные члены китайского руководства. Такая демонстрация единства по вопросам внешнеполитической стратегии, по-видимому, может свидетельствовать о том, что путь к выработке нового подхода оказался непростым.

Новые установки во внешней политике Китая были в дальнейшем закреплены в решениях состоявшегося в ноябре 2013 г. III пленума ЦК КПК XVIII созыва. Итоги пленума, особенно постановление о создании Совета государственной безопасности КНР для более эффективной координации вопросов безопасности в стране и за рубежом акцентировали прямую связь между процессами развития Китая и международной обстановкой. При этом усиление координации предусматривается и между различными направлениями внешней политики, в том числе поставлена задача выравнивания баланса между восточным и западным направлениями политики КНР на азиатском континенте. Примечательно, что в соответствии с новыми установками страны Западной Азии, в том числе — страны Ближнего Востока рассматриваются как соседи Китая, входящие в его геостратегическое окружение, а следовательно — относящиеся к приоритетным партнерам КНР. Поскольку, как отмечалось в одной из редакционных статей газеты «Жэньминь жибао», «экономический пояс» Великого Шелкового Пути и Морской Шелковый путь XXI-го века — это главные особенности дипломатии Китая в новой эпохе⁷, ближневосточная политика получила официальное закрепление среди внешнеполитических приоритетов КНР. Так, выступая на состоявшемся в Пекине семинаре по международным отношениям, министр иностранных дел КНР Ван И назвал отношения с арабскими странами в ряду приоритетов внешней политики Китая в 2014 г. и, в частности, заявил, что Китай «разработает новые меры по сотрудничеству с арабскими странами»⁸. Все это дает основания полагать, что на данном этапе в китайском руководстве в основном утвердилось представление о высокой зависимости жизненных интересов КНР от политики на Ближнем Востоке и назревшей необходимости формирования стратегического направления на западном направлении. Выражая эту позицию, директор Института исследований Западной Азии и Африки АОН КНР Ян Гуан заявил, что «осуществление великого возрождения Китая в значительной степени зависит от региона Западной Азии и Африки. Интересы Китая за рубежом постоянно возрастают. Из крупной мировой державы Китай превращается в мощную мировую державу. В будущем регион Западной Азии и Африки будет становиться все важнее в качестве необходимого партнера в развитии Китая»⁹.

Концепция новой ближневосточной политики КНР и ее источники

Выдвинутые руководителями КНР «инициативы» открыли путь для масштабного осуществления назревших изменений в сфере внешнеполитической деятельности применительно к решению новых задач развития страны. Не случайно комплекс соответствующих вопросов об усилении координации и централизации всех направлений внешней и внутренней политики был последовательно вынесен сначала на октябрьскую кон-

ференцию по вопросам дипломатической работы, а затем, в ноябре — на III пленум ЦК КПК, принявший решения об углублении реформ в Китае. Применительно к ближневосточному направлению — это, прежде всего, обеспечение энергобезопасности в отношениях с арабскими странами и ускоренное наращивание политики открытости и «выхода за рубеж» в отношении Западного Китая.

Однако на данном этапе эти инициативы еще не приобрели характера завершенной стратегии, определяющей хотя бы очередность выполнения поставленных задач или, например, хронологические или географические рамки их реализации. В нынешнем виде они намечают только узловые направления новой внешнеполитической стратегии и служат ее общими ориентирами. Учитывая определенные традиции построения политических стратегий в КНР, нельзя исключать, что теоретический аппарат данной политики Пекина будет и впредь оставаться на уровне комплекса генеральных идей, а в дальнейшем может пополняться путем выдвижения конкретных установок по мере необходимости. По-видимому, такой подход в большей степени отвечает интересам практической дипломатии, оставляя ей возможность для достаточной гибкости, самостоятельной разработки практической политики и поэтапного решения стратегических задач. Кроме того, он вполне согласуется с известными заветами Дэн Сяопина в сфере внешней политики, содержащими рекомендации «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» («таогуан янхуэй ю соцзовэй»)¹⁰.

Вместе с тем, нельзя исключить, что процесс внедрения новой политики может носить достаточно противоречивый характер. Учитывая масштабы предпринятых инициатив, а также активные и временами напряженные дискуссии вокруг них, можно предполагать, что внедрение намеченной стратегии на стадии практической реализации может сопровождаться серьезными расхождениями между представителями заинтересованных группировок в деловых, профессиональных и политических кругах. Необходимо также учитывать специфику региона, наличие в нем сложных противоречий, острых международных конфликтов, создающих значительные препятствия и риски на пути данной политики, а также неизбежность высоких затрат и принятия сложных решений.

В этой связи напрашивается вывод о том, что собственно политику по реализации стратегических инициатив китайского руководства еще предстоит развивать, и значительная роль в решении этой задачи отводится научно-исследовательскому комплексу Китая. С учетом этого представляется целесообразным обратить внимание на то, что уже в течение ряда лет в китайских экспертных кругах ведется активное обсуждение назревших вопросов перестройки стратегии КНР на ближневосточном направлении, и при этом до последнего времени сохранялись определенные различия в оценках и подходах к некоторым существенным вопросам. Например, как вытекает из материалов дискуссий, проходивших в течение последнего года в ряде академических институтов, немалая часть авторитетных экспертов в китайских дипломатических и академических кругах были склонны рассматривать в качестве главной задачи не сотрудничество с азиатскими странами в окружении Китая, а развитие китайско-американских отношений, ссылаясь на положения XVIII съезда КПК¹¹.

Ряд моментов указывает также на то, что выступления сторонников «концепции Шелкового пути» в Западной Азии и усиления ближневосточного направления в международной деятельности Китая в течение ряда лет сталкивались с несогласием не только со стороны ученых коллег, но и на официальном уровне. Этот аспект заслуживает внимания, поскольку, его воздействие на практическую политику китайского государства может ощущаться и в дальнейшем, несмотря на очевидное сужение поля разногласий после принятия решений на пленуме ЦК КПК. Как в свое время писал по этому поводу основоположник стратегической концепции континентального выхода Китая на Ближний Восток профессор Чжан Сяодун, «самая большая проблема может прийти изнутри Китая, учитывая высокие затраты и трудность получения немедленного эффекта. Это означает,

что будет трудно добиться принятия решения на соответствующем уровне и сформировать последовательное понимание данной проблемы. Таким образом, существует острая необходимость в скоординированных усилиях различных ведомств и разработке устойчивой и дальновидной стратегии Китая в отношении Большого Ближнего Востока»¹².

Как показывает анализ происходящих в настоящее время изменений, основные идеи разрабатываемой стратегии были публично выдвинуты китайскими экспертами задолго до выхода на политическую арену нынешнего поколения руководителей КНР. Выступивший с докладом в январе 1998 г. в китайском журнале «Стратегия и управление» профессор Чжан Сяодун из Академии общественных наук КНР, в частности, писал, что Китай, став в 1996 г. «чистым импортером нефти», должен пересмотреть свою позицию по Ближнему Востоку и перейти от реагирования на возникающие проблемы в регионе к инициативной и наступательной стратегии, подразумевающей продвижение новых, жизненно важных интересов, связанных с потребностями глобальной безопасности и развития КНР. Таким образом, по мнению западных экспертов, был впервые в истории поставлен вопрос о необходимости распространения влияния Китая за пределы традиционной сферы его внешнеполитической деятельности, которая, по их мнению, до сих пор ограничена Юго-Восточной Азией и Индокитаем¹³.

Особое внимание на Западе привлекли рекомендации профессора Чжана по использованию возможностей Китая на Ближнем Востоке, в частности, тесного сотрудничества с Ираном для оказания воздействия на США с тем, чтобы вынудить их отказаться от активной поддержки Тайваня, который в тот период активизировал политику независимости от КНР. Как отмечают в экспертных кругах, предложенный подход был принят китайской дипломатией, которой удалось усилить заинтересованность США и Израиля в сотрудничестве с Китаем на Ближнем Востоке и содействовать решению практических задач. Например, была открыта возможность налаживания китайско-израильских военно-технических связей¹⁴.

Из последующих публикаций Чжан Сяодуна очевидно, что концепция новой стратегии Китая на Ближнем Востоке приобрела сравнительно заверченный характер к 2009 г. Однако несмотря на высокий авторитет, международную известность и видное положение в научных кругах КНР (вице-президент Китайского общества ближневосточных исследований) Чжан не получил необходимой политической поддержки для реализации своих идей в тот период. Надо отметить, что его предложения о внесении соответствующих изменений в стратегию внешней политики содержали достаточно острую критику допущенных, по его мнению, ошибок в оценке поведения США на Ближнем Востоке. Так, он писал о необходимости извлечь три урока из ближневосточной ситуации: 1) Китайское руководство не отреагировало своевременно на изменение роли и значения Ближнего Востока для Китая. Не была осознана стратегическая ценность Ближнего Востока для КНР. 2) Не были учтены изменения, произошедшие в регионе после 11 сентября 2001 г., т.е. военное вмешательство Запада и его потенциальные последствия. 3) Была допущена недооценка начавшихся на Ближнем Востоке процессов стратегической дестабилизации¹⁵. Несмотря на это, его работы оказали заметное влияние на подход нынешних китайских руководителей к концепции Шелкового пути и, по-видимому, существенно содействовали его формированию. Примечательно, что уже в начале 2013 г., еще до принятия известных решений на третьем пленуме ЦК КПК на встречах экспертов отмечалось, что «движение Китая на Запад — это уже начавшийся процесс, являющийся необходимым фактором развития и политики открытости нашей страны»¹⁶.

Поскольку идеи Чжан Сяодуна напрямую перекликаются с нынешними внешнеполитическими инициативами китайского руководства, они сохраняют высокую актуальность и заслуживают внимания исследователей. Так, его основная идея состояла в том, что жизненно важные интересы развития Китая закономерно требуют обеспечения его влияния в странах Западной Азии, а также лидерства в решении задач развития этого ре-

гиона. При этом в интересах безопасности и устойчивости сотрудничества со странами региона, особенно — в сфере поставок энергоресурсов Чжан считал принципиально важным делать ставку на осуществление континентальной политики, т.е. создание гарантированного доступа на Ближний Восток сухопутным путем и строительство в Западной Азии соответствующей инфраструктуры. В обоснование своих рекомендаций Чжан утверждал, что именно западное направление является органичным для развития китайской нации, и ссылаясь на исторические хроники, свидетельствующие о том, что изначально расширение сферы влияния Китая происходило не в азиатско-тихоокеанском регионе, а на западном направлении в период империи Западная Хань. В частности, он приводил записи о дипломатической миссии в 134 г. до н.э. ханьского сановника Чжан Цяня и завоеваниях императора У Ди. Чжан Сяодун считал миссию Чжан Цяня блестящим примером выполнения дипломатических и разведывательных задач, однако полагал ее исторически незавершенной. В одной из своих статей, опубликованных под псевдонимом Дун Фансяо (Восток рассветает), профессор настаивал, что хотя в настоящее время прямой военной угрозы Китаю на Северо-Западе не существует, однако прилегающий регион сохраняет весьма важное значение для Китая, а «формирующийся в Евразии геополитический фактор оказывает большое воздействие на развитие и безопасность КНР». Поэтому «Китаю чрезвычайно важно предпринять новую, более широкую миссию, чтобы еще раз «проложить путь на Запад», т.е. использовать материк для стратегического выхода на Большой Ближний Восток»¹⁷.

Оценивая ситуацию в Западной Азии, Чжан писал, что основной характеристикой региона является политическая и экономическая нестабильность, вакуум лидерства и объединяющих тенденций. Ключевым элементом политики КНР на данном направлении, по мнению Чжана, могло бы стать масштабное развитие торгово-экономического сотрудничества на базе создания под эгидой Китая транспортной инфраструктуры и средств связи, обеспечивающих движение на запад в Европу, регион Персидского залива, в Пакистан и Индию. Разрабатывая вопросы дипломатической деятельности, Чжан отмечал невысокую эффективность таких международных организаций, как Лига арабских государств, Совет по сотрудничеству стран Персидского Залива, Шанхайская организация сотрудничества, Форум по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии, Исык-Кульский форум и т.д. В этой связи он рекомендовал делать ставку на двусторонние соглашения со странами региона и не рассчитывать на многостороннее сотрудничество.

Важным аспектом концепции Чжан Сяодуна являлся вопрос о влиянии великих держав на политику Китая в регионе. По его оценке, «в условиях глобализации конкуренция на Ближнем Востоке может привести Китай в ловушку игры с нулевой суммой, но может оказаться и взаимовыгодным». Он также выражал уверенность, что «соперничество с великими державами окажется неизбежным», поскольку «континентальная стратегия выхода Китая на Ближний Восток в сущности решает задачу преодоления геополитических проблем и прорыва окружения Китая со стороны США»¹⁸.

Один из наиболее видных последователей Чжан Сяодуна руководитель Центра международных и стратегических исследований Пекинского университета Ван Цзисы связывает необходимость нового «похода на Запад» прежде всего с политикой изменения стратегического баланса США. По его мнению, нынешняя ситуация способствует тому, чтобы и Китай выровнял баланс своей стратегии в Азии, усилив политику на западном направлении. Вместе с тем, он считает закономерным, что, воспользовавшись на начальном этапе реформ экономическим потенциалом соседей в Юго-Восточной Азии и создав современный экономически развитый регион на тихоокеанском побережье, теперь Китай должен расширить диапазон стратегии открытости, проложить путь на Запад азиатского материка и мобилизовать имеющиеся там ресурсы. Такой подход, отмечает профессор Ван, предусматривает разработку внешнеполитической стратегии, соответствующей целям 12-пятилетнего плана, ориентированного на развитие Западного Китая. Примеча-

тельно, что, по мнению Вана, строительство нового Шелкового пути, открывающего новые экономические возможности для КНР вплоть до восточного побережья Атлантики, можно было бы осуществить быстро. Вслед за Чжан Сяодуном он включает в азиатский участок «западной стратегии» все страны Южной, Центральной и Западной Азии, регион Каспия и Кавказ. Подчеркивая стратегическое значение этой политики, Ван полагает, что она будет способствовать «выравниванию отношений с США и содействовать укреплению взаимного доверия», поскольку США заинтересованы в усилении роли КНР в этом регионе. Один из основных выводов Ван Цзисы заключается в том, что, «наступая» на западном направлении, Китай «в геополитическом и геоэкономическом отношениях будет находиться в относительно благоприятном положении», поскольку не будет сталкиваться с противодействием и соперничеством со стороны США, как это происходит в тихоокеанском регионе¹⁹.

Новые ориентиры ближневосточной политики Китая

Характер происходящей трансформации ближневосточной политики Китая наглядно проявляется не только в наметившихся структурных изменениях азиатской стратегии, но и в нарастании ее наступательных, глобалистских тенденций. На данном этапе стало очевидным, что в рамках обновляемой внешней политики именно Ближнему Востоку отводится роль одного из главных плацдармов для дальнейшего утверждения Китая в роли великой державы, осуществляющей глобальные интересы. Так, выступая в китайской академической прессе с установочной статьей о новых взглядах китайского руководства по вопросам международной безопасности, специальный представитель КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ отмечал, что на данном этапе Китай переходит к осуществлению на Ближнем Востоке «более активной, инновационной политики». При этом он пояснил, что Китай выступает на Ближнем Востоке как «развивающаяся держава, занимающая высокое положение в глобальной политике, отстаивающая справедливость и правопорядок, эффективность глобального управления и совместное процветание». Подчеркивая динамику данного перехода и грядущие дальнейшие изменения международной роли КНР, У Сыкэ подчеркнул, что в будущем интересы Китая за рубежом неизбежно будут расширяться, и опираясь на эту тенденцию, Китай будет играть еще большую роль в международных делах и сможет развивать «сотрудничество стратегического партнерства нового типа» с арабским миром²⁰. Анализируя содержание новой стратегической концепции, ведущий сотрудник Китайского института современных международных отношений (КИСМО) Ма Сяолинь говорил: «А как Китай выйдет на уровень глобальной державы? Нужен трамплин, нужно направление, т.е. — нужен «вход на Запад». Движение на запад — необходимость в плане усиления международного положения Китая, повышения его роли, эффективный ответ на теории «китайской угрозы» и «ответственности» Китая²¹.

Отражением происходящих изменений стало активное продвижение в последние месяцы тезиса о политической роли и международной ответственности Китая за развитие ситуации на Ближнем Востоке. При этом на первый план выдвигается концепция приоритета политических задач. Характерным в этом плане является одно из недавних выступлений агентства Синьхуа: «Некоторые люди считают по привычке, что Китай активизирует свои действия на Ближнем Востоке, исходя из собственных экономических интересов. Однако такой взгляд является чрезвычайно узким... За последний год более активные действия Китая на Ближнем Востоке были нацелены на обеспечение им своей ответственности в качестве крупной державы мира»²².

Разъясняя перспективы политики Пекина, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «политическая роль Китая на Ближнем Востоке будет только возрастать. Обратного пути не будет». «Китай на Ближнем Востоке, особенно в арабских странах действует не только в экономической сфере, мы готовы развивать сотрудничество в полити-

ческой и военной областях и сфере безопасности». При этом Ван И подчеркнул, что тем не менее «фундаментальное значение экономических связей» сохраняется, поскольку они служат решению ключевой проблемы повышения уровня жизни населения и развития в интересах Китая и арабских партнеров». Он пояснил, что, с точки зрения КНР, политическое сближение должно обеспечивать «возможности для постоянного улучшения» делового сотрудничества²³.

Высказывания Ван И свидетельствуют, что на данном этапе в Пекине утвердилось представление о недостаточности экономического фактора для оказания нужного воздействия на развитие ситуации на Ближнем Востоке и необходимости расширения используемого внешнеполитического арсенала, более масштабного сочетания экономических и политических, а при необходимости — военных рычагов. Такой подход можно рассматривать как прямое следствие «уроков арабской весны» и проходивших в последний период дискуссий в экспертных кругах о необходимости расширения роли военной силы во внешней политике. Вместе с тем, в настоящее время на позицию китайских специалистов по Ближнему Востоку все большее воздействие оказывает конфликтная ситуация, складывающаяся вокруг территориальных проблем в Южно-Китайском море. Судя по выступлениям ряда авторитетных китайских ученых, сама постановка задачи по формированию новой стратегии на Ближнем Востоке ассоциируется у них с перспективой общего усиления наступательного характера внешней политики, необходимостью наращивания ее силового компонента. Примечателен в этом смысле состоявшийся обмен мнениями между ведущими специалистами по Ближнему Востоку, проведенный в марте 2013 г. под эгидой института Западной Азии и Африки АОН КНР. Так, по мнению заместителя директора института Янь Гана, поскольку американский «сдвиг на Восток» предусматривает передислокацию вооруженных сил и вмешательство в дела Восточной Азии, китайское «продвижение на Запад» тоже не может ограничиваться развитием торговых связей, должно иметь соответствующий вес и силовую проекцию. Однако, по словам одного из ведущих сотрудников этого институт Ван Цзинле, вне зависимости от того, какая конкретная внешнеполитическая стратегия или концепция будет выдвинута, необходимо, чтобы она соответствовала принципам мира и дружбы, а «не находилась бы с ними в полном противоречии». Особенно это касается конкретной внешней политики. По словам Ван Цзинле, «нам не следовало бы выдвигать политику «западной ориентации» в качестве нашей внешнеполитической стратегии». Представитель Общества изучения Чахар Ван Нань указал, что «сдвиг американской стратегии на Восток оказывает давление на безопасность Китая. Поэтому обязательно нужны какие-то меры по безопасности в рамках этой политики». Отстаивая необходимость развертывания новой стратегии, Ван Цзинси отметил, что «китайско-американские «отношения нового типа» должны рассматриваться в глобальном плане и развиваться на глобальной основе. Но вопрос заключается в том, хватит ли у нас интеллектуальных ресурсов и готовности вести с США эффективный диалог на равных по ряду регионов и глобальных проблем, основываясь на нашем глубоком понимании и владении этими проблемами, и «вынудить» их заново обдумать свою политику, меньше вредить другим, заботиться только о своих делах»²⁴.

Таким образом, региональная деятельность на Ближнем Востоке, сохраняя самостоятельное значение для нужд развития и безопасности Китая, все больше увязывается с формированием роли великой державы, способной оказывать влияние, выходящее за рамки данного региона. Логика нового подхода КНР к своей роли на региональной и международной арене закономерно требует от Китая уточнить формат своих отношений с США на Ближнем Востоке. В этом вопросе позиция Китая находится в подвижном состоянии и характеризуется разнонаправленными тенденциями. Как отмечалось на одном из научных семинаров в Пекине, проведенных группой по разработке инновационной темы «Стратегия Китая на Ближнем Востоке и отношения великих держав» по итогам 2012 г., «подъем Китая требует выработки ближневосточной стратегии. При этом следует учитывать следую-

щие пять положений: 1) Стратегия США потерпела неудачу. 2) Народные массы на Ближнем Востоке утратили энтузиазм в отношении американской поддержки в построении демократии. 3) народы надеются найти подходящий путь политического развития в условиях экономического спада. 4) Крупные государства Ближнего Востока снижают свою зависимость от США; усиливается тенденция в ориентации Египта, Саудовской Аравии и Ирана на Китай. 5) Темпы развития китайско-арабских связей, политическое доверие постоянно усиливаются, прагматичное сотрудничество дает богатые результаты».

При этом отношения с США остаются одним из важнейших элементов ближневосточной политики Китая, играют важную роль в рамках китайско-американского стратегического диалога и являются существенной частью общей политики «отношений нового типа», выдвинутой Пекином в мае 2013 г. По некоторым признакам, к середине 2013 г. китайская дипломатия внесла определенные коррективы в оценку роли США в регионе. В настоящее время наряду с публикациями о том, что сокращение американского присутствия на Ближнем Востоке может создать здесь политический вакуум, сквозным тезисом в высказываниях китайских представителей звучит признание доминирующей роли США на Ближнем Востоке. Это положение подчеркивается как официальными представителями, так и китайскими авторитетными экспертами. Как заявил директор центра ближневосточных исследований КИСМО Нью Синьчу, «ни одна страна не способна и не стремится заменить США на Ближнем Востоке. Вашингтон все еще остается крупнейшим игроком в регионе»²⁵. По словам спецпредставителя КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ, у Китая и США в данном регионе гораздо больше общих интересов, чем разногласий. Главное то, что и КНР, и США заинтересованы в поддержании мира и стабильности, обеспечении возможности для работы китайских и американских компаний. «Китай по мере усиления его международного влияния становится все более важен для Ближнего Востока. Однако в наши намерения не входит брать на себя чью-то роль или забирать их часть пирога»²⁶.

Такая позиция соседствует с выводом о том, что, по объективным причинам, несмотря на сохраняющееся намерение Вашингтона осуществить стратегическую «перебалансировку» между Ближним Востоком и азиатско-тихоокеанским регионом, Америка не откажется от контроля над ближневосточным узлом мировой политики и финансов. США сохраняют необходимое военное и политическое присутствие несмотря на постепенное снижение потребности в поставках нефти.

В свете этого десятая поездка Керри на Ближний Восток и визиты Ван И в канун 2014 г. в Израиль, Палестину, Алжир, Марокко и Саудовскую Аравию, практически совпавшие по времени, воспринимаются если не как синхронизированные, то как параллельные действия. Последовавший 8 января 2014 г. визит Ван И в Джибути, где размещена основная американская база в Африке Кэмп Лемонье, и его переговоры с правительством этой страны продемонстрировал возможности дальнейшего усиления военно-морской деятельности Китая в зонах традиционной ответственности США на Ближнем Востоке. Развернутая в данном регионе на рубеже 2013 и 2014 гг. необычайно активная деятельность китайской дипломатии на высоком уровне фактически явилась подготовкой очередного раунда консультаций КНР—США по Ближнему Востоку, проводимых этими странами с 2011 г. в рамках китайско-американского стратегического диалога.

Определенное изменение претерпели публичные оценки китайских дипломатов положения в сирийском и иранском вопросах. Так, летом-осенью 2013 г. высказывания официальных китайских представителей, выступления экспертов и публикации прессы КНР по Сирии носили достаточно скептический характер. При этом подчеркивалось, что согласие Сирии на уничтожение химического оружия явилось положительным шагом, однако российская инициатива, договоренности между Россией и США не являются гарантией главной проблемы — отказа американской стороны от вооруженного вмешательства в сирийские дела. Однако развитие процесса «химического разоружения», а

главное — подключение к этому было оставшегося в стороне Китая, позволило китайской стороне скорректировать свой подход к данному вопросу. Этому способствовали также начавшиеся благоприятные подвижки в урегулировании иранской ядерной проблемы при активном участии КНР. Как отмечалось в статье спецпредставителя КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ, «международное сообщество... совместно инициировало успешную практику урегулирования таких кризисов политическими средствами»²⁷.

Вместе с тем, как полагают видные американские эксперты, подобные оценки, скорее всего, отражают не только признание Пекином необходимости строить долгосрочные отношения с США на Ближнем Востоке, но и определенную настороженность в отношении сохранения в регионе американской военной мощи. В свете этого оценивается и обращение китайского руководства к развитию континентальной стратегии в Западной Азии. Как отмечалось в меморандуме группы бывших деятелей администрации, разведки и госдепартамента США на имя президента Обамы в начале 2014 г., стремление китайского руководства обеспечить надежную возможность альтернативной транспортировки нефти с Ближнего Востока сухопутными средствами могут быть глубже поняты, если учесть, что в американских политических кругах постоянно подчеркивается возможность оказания давления на Китай с использованием военно-морских сил США, контролирующих морские коммуникации. Необходимо «найти возможности влияния, вытекающие из роли США, как военно-морского гаранта потока энергоносителей, от которого зависят Китай и другие страны региона». По мнению этих экспертов, данная ситуация может оказывать существенное воздействие на условия разрешения нынешнего конфликта в Южно-Китайском море²⁸.

Хотя такая позиция носит неоднозначный характер, она отражает важную тенденцию: как Китай, так и США рассматривают свои позиции на Ближнем Востоке как потенциальный рычаг воздействия на жизненно важные интересы друг друга. Сохраняющиеся противоречия, определенный конфликт интересов продолжают оказывать сдерживающее влияние на возможности усиления конструктивного двустороннего китайско-американского сотрудничества в данном регионе, например, по афганскому вопросу. Вместе с тем, можно сделать вывод, что выдвижение Китаем новой стратегии в Западной Азии предполагает усиление взаимной заинтересованности обеих сторон в поддержании баланса отношений и расширении взаимодействия.

1. *Keck Z.* Four Things China Learned From the Arab Spring // *The Diplomat*. 2014. 1 апр. URL: <http://thediplomat.com/2014/01/four-things-china-learned-from-the-arab-spring>.
2. См., например: *Антипов К.* События на арабском Востоке и позиция Китая // *Пробл. Дальнего Востока*. 2011. № 6. С. 3–17.
3. *Yan Xuetong.* How Assertive Should a Great Power Be? // *The New York Times*. 2011. 4 янв. URL: http://www.nytimes.com/2011/04/01/opinion/01iht-edyan01.html?_r=1&ref=china.
4. Xi Jinping Promote People-to-People Friendship and Create a Better Future. President Xi Jinping proposes to build a Silk Road Economic Belt with Central Asian countries. 2013 1101. URL: http://www.china.org.cn/travel/revitalize_the_silk_road_in_Shaanxi/2013-11/01/content_30468580.htm.
5. *сицзинь* — «западная ориентация» (перевод дается в трактовке источника russia.china.org.cn).
6. *Ding Ying.* Peace in the Middle East // *Beijing Review*. 2014. № 2 9 Janv. URL: http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2014-01/07/content_589489.htm.
7. *Чжун Шэн.* Сылу цзиньшэнь гуаньчуань гуцзинь кайсиньпьянь [Дух «Шелкового пути»: новая глава проходит через древность и современность] // *Жэньминь жибао-он лайн*. 2014. 26 февр. URL: <http://world.people.com.cn/n/2014/0226/c1002-24467575.html>.
8. Глава МИД КНР назвал пять приоритетных направлений внешней политики страны на следующий год // *Синьхуа*. 2013. 17 янв. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8487067.html>.

9. *Ян Фэйжун*. Юн вомэньды яньцзю чэнго вэй шисянь Чжунго мэнь цзо гунсянь [Использовать результаты наших исследований для вклада в осуществление китайской мечты] // Сия юй Фэйчжоу. 2013. № 5. URL: <http://iwaas.cass.cn/swgl/gqfgz/2013-05-15/2620.shtml>.
10. См., например: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013; *Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 5.
11. *Чжань Шимин*. Чжунгодэ Сицзинь вэньти: яньпань юй сыкао [Исследуя движение Китая на Запад] // Нанья Фэйчжоу. 2013. № 2. С. 4–19.
12. *Дун Фансяо*. Чжунгодэ чжаньлюэ сюаньцзэ: цун луди поцзинь чжундун [Стратегический выбор Китая. Подойти к Ближнему Востоку с материка] // Сия фэйчжоу. 2008. № 10. С. 1–9. URL: http://qk.cass.cn/xyfz/zdtj/200909/t20090914_12778.htm.
13. *Sisci F.* China mourns loss of policy prophet // *Asia Times*. 2013. 24 Janv. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/OA24Ad01.html>.
14. Там же.
15. *Дун Фансяо*. Чжунгодэ чжаньлюэ сюаньцзэ: цун луди поцзинь чжундун [Стратегический выбор Китая. Подойти к Ближнему Востоку с материка] // Сия фэйчжоу. 2008. № 10. С. 1–9. URL: http://qk.cass.cn/xyfz/zdtj/200909/t20090914_12778.htm. См. Также: *Zhang Xiaodong*. China's Strategic Option: Approach to the Greater Middle East through the Eurasian Hinterland // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2010. Vol. 4, № 4. P. 32.
16. *Чжань Шимин*. Указ. соч.
17. Там же.
18. Там же.
19. *Wang Jisi*. Center for International and Strategic Studies, Peking University “Marching Westwards”: The Rebalancing of China's Geostrategy // *International and Strategic Studies Report*. 2012. № 73, 7 Oct.
20. *Wu Sike*. (Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China). The Upheaval in West Asia and North Africa: A Constructed New Viewpoint of World Security // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2013. Vol. 7, № 1.
21. *Чжань Шимин*. Указ. соч.
22. Китай ответственно действует на Ближнем Востоке // Синьхуа, 201327 дек. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8498210.html>.
23. См: *Ван И*. Чжунго цзай чжундундицзюй фахуйдэ чжэнчжи цзоюн чжихуй юэлайюэдо [Политическая роль Китая в ближневосточном регионе в дальнейшем может только возрастать] // Жэньминь жибао он-лайн. 2014. 0109. URL: <http://world.people.com.cn/n/2014/0109/c157278-24072722.html?prolongation=1>)
24. *Чжань Шимин*. Указ. соч.
25. *Ding Ying*. Peace in the Middle East // *Beijing Review*. 2014. № 29 Jan. URL: http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2014-01/07/content_589489.htm.
26. Middle East respects China's mediation // *Global Times*. 2014 14 Jan. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/837321.shtml#.UtbCaeKu424>.
27. *Wu Sike*. Chinese special envoy to the Middle East January 16, 2014. Hands J. For A Peaceful Middle East // *China Focus*. 2014 16 Jan. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/join-hands-for-a-peaceful-middle-east/>.
28. *Pollack J.D., Bush R.C., Jones B.* Avert Conflict in the South and East China Seas — BIG BETS & BLACK SWANS. // Memorandum to the President. 2014.23 Jan. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2014/01/conflict-south-east-china-seas-pollack-bush-jones>.